

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ В ВУЗЕ МНОГОПОЛЯРНОСТИ КАК ЭФФЕКТИВНОЙ МОДЕЛИ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

FEATURES OF STUDYING MULTI-POLARITY AT UNIVERSITY AS AN EFFECTIVE MODEL OF REGULATED GLOBAL STRATEGIC STABILITY

УДК 378

DOI: 10.15372/PEMW20190306

М. П. Яценко

Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Российская Федерация,
e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru

Yatsenko, M. P.

Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russian Federation,
e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru

И. Д. Песковец

Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Российская Федерация,
e-mail: peskovets@mail.ru

Peskovets, I. D.

Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russian Federation,
e-mail: peskovets@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена одному из важнейших аспектов международной безопасности, а именно: формированию глобальной системы стратегической стабильности адекватной реалиям современного мира. Автор статьи предлагает рассмотреть «регулируемую многополярность» как модель перспективной глобальной системы стратегической стабильности, наиболее полно отвечающей вызовам современности и одновременно учитывающей национальные интересы России.

Политические перемены, произошедшие в конце XX в., привели не только к новой расстановке сил на планете, но и стимулировали рост угроз и вызовов международной безопасности в новом столетии. Между государствами обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов. Автор приводит доказательства того, что сегодня наблюдается углубление разрыва между уровнями благосостояния стран. В статье отмечается, что на данном этапе игнорируются общечеловеческие ценности, а различные модели развития стали предметом глобаль-

Abstract. The article is devoted to one of the most important aspects of international security, namely the formation of global strategic stability adequate to the realities of the modern world. The author offers to consider regulated multi-polarity as a model for prospective global system of strategic stability that responds to the challenges of modernity, and simultaneously takes into account the national interests of Russia. The political changes that occurred in the late 20th century, did not only lead to a new configuration of forces on the planet. Such transformation also stimulated growth of threats and challenges to international security in the new century. Conflicts exacerbated between states, related to uneven development as a result of globalization processes. The author provides evidence that today the gap in the levels of the countries welfare is deepening. The article notes that at this stage universal human values are ignored, and different models of development have become a subject of global competition. According to the author, the development of an effective model of global strategic sustainability implies a multipolar system, the foundations of which should be studied at the level of university education.

ной конкуренции. По мнению автора, выработка эффективной модели глобальной стратегической устойчивости предполагает многополярную систему, основы которой должны изучаться на уровне вузовской образовательной системы.

Ключевые слова: стратегическая стабильность, гонка вооружений, взаимное гарантированное уничтожение, ядерное сдерживание, глобальная безопасность.

Для цитаты: Яценко М. П., Песковец И. Д. Особенности изучения в вузе многополярности как эффективной модели глобальной стратегической стабильности // Профессиональное образование в современном мире. 2019. Т. 9, №3. С. 2938–2947

Keywords: Strategic stability, armaments race, mutually assured destruction, nuclear deterrence, global security.

For quote: Yatsenko M. P., Peskovec I. D. [Features of studying multi-polarity at university as an effective model of regulated global strategic stability]. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 2938–2947

DOI: 10.15372/PEMW20190306

DOI: 10.15372/PEMW20190306

Введение. Необходимость социально-философского рассмотрения проблемы мировой стабильности детерминирована осмыслением глобальных процессов, которые характеризуются многочисленными эффектами взаимозависимости и целостности разнообразных явлений, проявляющихся не только в теоретической области, но также в практической социальной деятельности. В этот комплекс входят вопросы, обусловленные цивилизационно-биосферной экологией, проявляющиеся в проблемах всеобщего, универсального единства как на уровне мегасообщества, так и конкретных микромиров. Подобное переплетение дифференциации и интеграции различных наук во многом детерминировано непосредственными социальными взаимосвязями, а также проявлений новых взаимодействий в системе все более глубоких соответствий в самой природе. Эти тенденции, которые проявляются в качестве синтеза внутри отдельных локальных культур, а также выступают как активизация транскультурного диалога. Здесь можно согласиться со следующим утверждением: «Важными являются способность и готовность эффективно перерабатывать и интерпретировать новую информацию, в большом объеме поступающую практически по всем видам профессиональной деятельности» [1, с. 1782].

Постановка задачи. Мировая стабильность может быть достигнута только при условии осознания специфических национально-этнических черт конкретного социума, которые естественным образом соотносятся с общечеловеческими ценностями, проявляющимися в различных социокультурных универсалиях.

Методика и методология исследования. Исследование принципов устойчивости мирового пространства предполагает новый подход к месту и роли России в современном геополитическом пространстве. Отдельные политологи продолжают рассматривать Россию в рамках прежней парадигмы, где территория нашей страны позиционируется в качестве региона, который на протяжении последних десятилетий оставался ведущим пространством для американских экспериментов.

Современный этап мирового развития сопряжен с возникновением аксиологической шкалы, когда на базе новых ценностей формируются уровни региональных социальных систем. На этом фоне по-новому воспринимаются учения отечественных мыслителей, которые всегда отличались оригинальными подходами к пониманию гармоничного устройства государства.

Результаты. Основой стабильности всякого миропорядка является определенная геополитическая иерархия, которая соответствует данному социальному устройству. Большое значение в этом плане играет мифология, скрывающая реальные параметры конкретного социального устройства, т. е. господствующие формы элиты. Важным идеологическим базисом подобной социальной мифологии, оправдывающей идеи современного либерализма, все чаще выступает идея «среднего класса». В этом плане вполне резонным представляется следующее высказывание М. Хайдеггера: «Подлинный принцип порядка имеет свое предметное содержание, через упорядочение никогда не обнаружимое, но в нем уже предполагаемое» [2, с. 52]. Оценивая вектор мирового развития, А. Этциони вполне резонно подчеркивает, что «движение происходит не в направлении единой синтетической модели. Скорее, реализуется целый ряд социальных проектов, у которых есть две важных общие черты: социум становится более сбалансированным, нежели в индивидуалистическом

или авторитарном вариантах, а общественный порядок больше, чем в любом из этих случаев, базируется на силе убеждений» [3, с. 44].

В контексте изучения системы мировой стабильности представляет интерес следующий тезис Д. Форестера: «Теория структуры мировой модели... может показаться слишком упрощенной. С другой стороны, модель, представленная здесь, вероятно, является более полной и ясной, чем умозрительные модели, которые используются в качестве основы мирового и национального планирования» [4, с. 245]. Стабильность современного мира отражено в некоторых концепциях, авторы которых демонстрируют разнообразие подходов к формированию современной картины мира. Например, Э. Тоффлер, исследуя общественные изменения как прямой рефлекс технического прогресса, анализирует при этом различные стороны формирования стабильного порядка, хотя за доминанту берутся преобразования в техносфере [5]. В частности, появляется насущная необходимость вернуться к наследию А. А. Богданова, который гениально предусмотрел новые тенденции: «Из мучительных колебаний жизни, порождаемых стихийным развитием, из его дорогой цены и возрастающей надежности возникает новая потребность: внести гармонию и единство в самый процесс развития, сделать его стройным и целостным, устранить его стихийность. Его колебания должны уступить место непрерывности, его диссонансы – полным и ясным аккордам, его цена должна стать равною результатам, элемент случайности должен из него исчезнуть. Словом, необходимо, чтобы из движения стихийного жизнь превратилась в движение гармоническое» [6, с. 44].

У всех сторонников существующего миропорядка имеется единая платформа, где ведущей целью выступает идея формирования массового среднего класса, который доминирует в социальном плане, по мнению либералов, являясь основой демократического устройства современного гражданского общества. С подобным подходом можно согласиться, если рассматривать средний класс в качестве идеальной имитации всей социальной структуры, прикрывающей реальное общественное устройство, которому идеально соответствует имитационная демократия. Благодаря подобным манипуляциям власть постепенно выводится за пределы легальных политических процессов, прикрываясь при этом «демократическими процедурами» и «гражданским обществом». Ярким примером здесь могут служить США, которые успешно откачивают ресурсы всего мира, используя следующие факторы: 1) военное превосходство; 2) светскую религию; 3) эмиссию сначала денег. Вот почему американизация нашей культуры позволяет им управлять нами, сдерживая при этом экономическое развитие нашей страны, ведь средний класс не играет в посткапиталистическом сверхобществе никакой роли. Можно согласиться с Т. Сергейцевым, который утверждает, что средний класс все чаще выступает в качестве источника кризиса, поскольку является ведущим участником «сверхпотребления», провоцируя механизмы перепроизводства» [7, с. 37].

Важным фактором, который способствует определению параметров стабильности является тот факт, что более определенной стала позиция западных стран, которая многих вводила в заблуждение. В частности, двойственность и противоречивость политики, когда они позиционировали себя в роли партнеров нашей страны, однако на практике вели себя как противники России. Тот факт, что РФ все более четко определяет свою роль в современном мире, свидетельствует о том, что Россия приобретает признаки не объекта, а субъекта мировой политики, т.е. являет всему сообществу своей более привычный и понятный всем образ. Российская модель мироустройства, где стабильность является определяющим вектором политики, выступает в качестве реальной альтернативы западной концепции управляемого хаоса, поэтому все сторонники вестернистского мироустройства яростно сопротивляются всем конструктивным предложениям со стороны нашего государства, хотя в восточном мире подобный подход востребован. Однако более адекватные специалисты в области мировой политики понимают, что Россия в состоянии стать лидером движения за региональную устойчивость. «Российское государство, соединяя в себе черты восточных деспотий и европейского абсолютизма, являлось гарантом безопасности и сохранения независимости страны» [8, с. 1994]. Однако пока политику, которую проводит Россия на восточном направлении, можно рассматривать как полуинтуитивную, где четкий вектор пока не просматривается. Если раньше, по словам С. Ю. Витте – автора проекта КВЖД, наша страна иногда пыталась использовать китайскую фактор в противостоянии с европейскими соперниками, то теперь, впервые в новейшей истории, Россия в состоянии повернуть вектор своей внешней политики к Востоку. Подобные шаги дали основание для утверждений в среде не только дипломатов-практиков, но и ученых о том, что на наших глазах формируется многополярный мир с азиатским акцентом. В частности, на Ближнем Востоке постепенно оформляется группа стран с пророссийской ориентацией, включающая в себя не только Сирию и Иран, но также Египет, который рассматривается дипломатами в качестве государства, являющегося «ключом к арабскому миру» [9, с. 77].

Все большее число экспертов склоняется к мнению, что западные геополитические эксперименты приведут к ситуации, когда «мир без Запада» постепенно становится объективной реальностью. Этот процесс подталкивает тот факт, что страны БРИКС все чаще переводят расчеты во взаимном товарообороте на национальные валюты. Кроме того, становится все более очевидным тот факт, что азиатские страны в состоянии предоставить России не только технологии, но также инвестиции, а также доступ к кредитным источникам. Последние события свидетельствуют о том, что Запад своей непродуманной политикой игнорирования интересов России вынуждает наше общество не только четче формулировать свои национальные интересы, но начинать осуществление давно назревших внешнеполитических задач. В частности, процессы евразийской интеграции в военной области базируются на реально существующих военных угрозах, прежде всего в Центральной Азии. Эти угрозы в основном связаны с возможной в ближайшее время дестабилизацией Афганистана, а также с вполне вероятным социально-политическим взрывом в одной (или даже в нескольких) из бывших советских республик. Подобные сценарии занимали приоритетное место в военном планировании России вплоть до возникновения военно-политического кризиса на Украине. Вероятно, по мере относительной стабилизации военной ситуации в этой стране, основное внимание Москвы вновь переключится на центрально-азиатское направление.

Для понимания сущности мировой стабильности важно подчеркнуть, что за время гражданской войны террористами-джихадистами безжалостно, целенаправленно убиты триста учителей и преподавателей вузов. Башар Асад свидетельствует: «Они (учителя) сражались против темных идей, которые угрожают обществу и будущим поколениям». С сирийским президентом по-своему согласен и глава Конституционного суда РФ В. Зорькин, который сознается, что никак не ожидал увидеть воочию предсказанное аналитиками низвержение мира в бездну: ««на Украине произошла катастрофа права, чреватая гибелью всей цивилизации права, которую человечество выработало в кровавых войнах и революциях XX века» [10, с. 113]. Можно согласиться с следующим подходом: «История войн и военного искусства с глубокой древности до наших дней свидетельствует о том, что все военные конфликты начинались не с обмена ударами оружием, не со столкновения пехоты, конницы или артиллерии сторон, а с острого интеллектуального соперничества тех, кто ими руководил» [11, с. 270].

Исследуя принципы нового стабильного мироустройства, ошибочно полагать, что предыдущий порядок разрушается благодаря российской внешней политике, ведь подобная политика стала возможной из-за упадка Запада, который все заметнее, а его доминирование все чаще ставится под сомнение. Несмотря на то что США и их европейские союзники пока еще сохраняют важное лидерство в области создания новых массовых гражданских технологий, оставаясь ведущими ««поставщиками ликвидности для глобальной финансовой системы, их промышленная мощь неуклонно снижается относительно новых развивающихся экономик» [12, с. 152]. Тем не менее постепенно на историческую арену выступают потенциальные соперники США, которые в состоянии их монопольное в геополитическом плане положение. В этом плане он выполняет роль геополитического противовеса Запада, что в интересах всего мирового сообщества. При этом Китай можно рассматривать в качестве внешнего экономического драйвера роста для России в целях стимулирования отечественной экономики, без чего вряд ли возможна свобода геополитического маневра. Именно поэтому наша страна максимально заинтересована в активизации роли Китая на геополитической карте мира, который должен развивать свой успех, постоянно укрепляя свою субъектность в мировой политике. Дело в том, что «в начале XXI в. в связи с ускорением научно-технического прогресса общественные отношения и связи характеризуются высокой мобильностью» [13, с. 1166].

Исследование принципов стабильности приводит нас к мысли о неизбежности присутствия в историческом сознании единства, цельности и взаимосвязанности, окружающей действительности, а также признания многообразия мироздания, что зафиксировано определенным образом в понятийно-категориальных координатах. Представители различных концепций стабильности постоянно обращаются к проблеме мира и регулярно опираются на имманентное единство человечества. Это касается классического исследования явленного, неклассического моделирования вариативного, а также постнеоклассического деконструирования. Однако Европа испугалась формирующегося единства, потому что увидела в нем «тотальность», постоянно порождающую одинаковое, которое чрезвычайно угрожает идее множественного и различного. Тем более, что тотальное воспринималось как тождественное, хотя подобная тотальность проявляет определенное единство в различном не только в себе, но также в ином. Ф. Гиренок резонно подчеркивает, что «тотальное подчиняет форме бесформенное. Европа знала только одну форму – тотальность сознания. В погоне за множественным она потеряла единое и отказалась от культуры, построенной на единстве самосознания» [14, с. 113–114]. Ответом на подобную политику является рост национального и религиозного экстремизма, который проявляется в отдельных регионах исламского мира.

Осознание ведущих принципов, на которых можно и нужно выстраивать гармоничное, устойчивое, стабильное мироустройство, предполагает понимание сущности единства мира. В системе современного образования выделяется два основных направления проблематизации единства мира. В русле классической философии, либо мир рассматривается как монолитный или, в крайнем случае, простой и однородный, когда все видимое многообразие человечества сводится к какому-либо базису основе, роль которого довольно часто выполняет определенная субстанция. В рамках социокультурной традиции ученые исходят из тезиса, согласно которому окружающая действительность характеризуется принципиальной автономностью, иногда даже полной изолированностью друг от друга различных социальных объединений. По-нашему мнению, реальная стабильность может быть реализована только на основе плюралистического подхода, который создает определенные гарантии для самодостаточности и самостоятельности региональных и локальных социальных объединений. Однако подобный вектор основательно разрывает взаимодействия и взаимосвязи различных мировых уровней, следствием чего становится фрагментация мирового сообщества, когда выстроенные по монистической модели социальные элементы сосуществуют отдельно, будучи абсолютно независимыми друг от друга. Примером могут служить редукционистские теории, которые сводят к прямолинейным закономерностям экономического, биологического и т.п. детерминизма ведущие социальные процессы. Конечно, при таком подходе можно выстроить универсальную схему, которая выполняет объясняющую функцию по упрощению мирового сообщества, однако исключается возможность адекватного отображения многообразных культурно-цивилизационных феноменов. При этом не отвечают на многие вопросы, связанные со стабильностью мирового сообщества, различные плюралистические концепции, где допускается одновременное действие различных социальных линий. Они в состоянии провоцировать распадающуюся фрагментарность, поскольку полностью не охватывают поливариантный и многоаспектный социальный организм во всей его целостности. Вот почему анализ общественных явлений, которые обуславливают стабильность мирового сообщества, предполагает решение задач преодоления резкой оппозиции монизма и плюрализма [15, с. 17]. Серьезным преткновением на пути к стабилизации окружающей действительности является европоцентризм, поскольку эта идеологическая установка нивелирует социокультурную идентичность, которая, в свою очередь, провоцирует радикальные настроения со стороны многих социумов, стремящихся сохранить свою культуру.

Реализация системы мировой стабильности во многом связана с решением проблемы ослабления контроля над ядерным оружием и режимом его нераспространения. Все большую опасность представляет гонки вооружений, которые характеризуют развитие отдельных регионов, а также международный терроризм и распространение оружия массового уничтожения. Появляются и новые угрозы, не позволяющие реализовать систему мировой стабильности, которые связаны, например, с борьбой за обладание источниками энергоресурсов в Арктике, что стимулирует гонку вооружений в новых, экологически чистых регионах мира. Если в этот процесс включаются ведущие мировые страны, то это свидетельствует о милитаризации мира и увеличении конфликтных зон мира.

Изучение проблем, связанных со стабилизацией мирового социального пространства, требует понимание особой роли России в этом важно процессе, поскольку пока неурегулированными остаются многие региональные конфликты, которые имеют глубокие исторические корни так или иначе связанные с нашим государством. Тем более, что остается значительное количество ученых и практиков, являющихся сторонниками силового разрешения подобных конфликтных ситуаций, в том числе в регионах, которые граничат с Россией. В борьбе с перечисленными угрозами и вызовами у России, как и многих других государств, есть две основные альтернативы: обеспечить обороноспособность страны собственными силами, или же добиться безопасности для страны путем совместных действий с другими государствами через формирование новой или модернизации существующей системы стратегической стабильности. В связи с этим одним из перспективных военно-дипломатических направлений укрепления национальной безопасности Российской Федерации является кооперация совместных усилий мирового сообщества по формированию системы стратегической стабильности адекватной реалиям и вызовам современного мира. Тем не менее это не должно означать отказа от восстановления вооруженных сил на новой основе или модернизации имеющихся систем вооружений. С середины прошлого столетия, после появления военно-политической доктрины стратегической стабильности, международную безопасность стали рассматривать в контексте данной системы. Сегодня при исследовании глобальной системы большинство аналитиков с небольшой долей погрешности допускают отождествление «стратегической стабильности» с «международной безопасностью». В рамках данной статьи, мы хотели бы предложить свой взгляд на проблему формирования системы стратегической стабильности, отвечающей реалиям современного мира и одновременно учитывающей национальные интересы России.

К настоящему времени в российской и мировой политической мысли выработаны различные подходы и модели, характеризующие и описывающие различные варианты системы глобальной стратегической стабильности и мироустройства в XXI в. До мирового экономического кризиса, некоторые аналитики говорили о современном мире как об однополярном во главе с США. Они отмечали доминирование США во всех сферах могущества: геополитической, экономической, технологической, и прежде всего военной. Возможно, гегемония США в международной среде имела место быть в конце XX – начале XXI в., однако длилась довольно не долго. Об этом свидетельствуют неудачи «военной машины» США в Ираке и Афганистане, а так же разразившейся в США мировой экономической кризис. Другая часть исследователей видит в Китае центр антизападной силы, способный вернуть мир к биполярности и тем самым к классическим принципам стратегической стабильности, выработанным в середине XX в.

Изучение принципов стабилизации мирового социального пространства предполагает также учет того факта, что несостоявшаяся однополярность пока не сменилась «биполярным» миром или многополярностью. Современная ситуация, которая представляет собой переходный этап, может быть определена как «полутораполярный» мир, поскольку Китай, потеснив США в экономике, не занял ведущих позиций в других областях. Россия же пока не может считаться полноценным «поллюсом» системы, хотя наблюдается значительный отрыв России и США по совокупности своих военных возможностей от всех остальных членов международного сообщества.

Обеспечение стратегической стабильности в многополярном мире, на наш взгляд, является задачей наиболее могущественных в геополитическом отношении государств, региональных центров силы. Отметим, что ранее могущество государства определялось, прежде всего, военной составляющей, однако в современных условиях борьба за сферы влияния в основном ведется экономическими средствами. Таким образом, экономическая мощь становится одним из важнейших, но отнюдь не единственным показателем геополитического влияния государства. На сегодняшний день, согласно ряду критериев, центрами силы современного мира без сомнений можно назвать США, Россию и Китай. Так, США – мощнейшая в военном отношении морская держава, военный бюджет которой составляет половину общемировых расходов на оборону. Россия – крупнейшая континентальная держава, обладающая в силу своего расположения большим геополитическим потенциалом, а также рядом экономических рычагов влияния, прежде всего как «энергетическая сверхдержава». Кроме того, характеризуя военную мощь России, нельзя не отметить тот факт, что Россия является единственной державой, чей ядерный потенциал пока что сопоставим с американским. Китай является стремительно набирающей мировой политической вес региональной державой, обладающей наибольшим в мире экономическим потенциалом, а также имеющей самую многочисленную в мире армию, и год за годом увеличивающей свой военный бюджет. В обозримой перспективе другими центрами силы можно будет назвать Индию и Европейский Союз. Индия является набирающей силу крупной региональной державой, обладающей высоким демографическим и экономическим потенциалом. Индия также входит в число ядерных держав и располагает третьей по величине армией в мире.

Глубинное осознание сущности и принципов реализации системы мировой стабильности предполагает не только условное определение полюсов, важно определиться с механизмами, принципами по которым будет функционировать предлагаемая система стратегической стабильности. С каждым годом в условиях новой международной обстановки и с учетом выросшего спектра угроз международной безопасности, обеспечение безопасности в рамках данной парадигмы становится все более сложной и невыполнимой задачей, а в условиях многополярности она и вовсе теряет действенность. Необходимы новые принципы, способные одновременно регулировать стратегические отношения нескольких мировых держав в многополярном мире. Одним из таких регуляторов военно-стратегического равновесия в полной мере может стать принцип «силового равновесия»/«баланса сил». Исторически наиболее полно идея «силового равновесия» воплотилась в Венской системе международных отношений, сложившейся на Венском конгрессе 1815 г. после окончания эпохи наполеоновских войн. Основной целью принципа «силового равновесия» было предотвращение доминирования в международной системе какой-либо одной державы. Подобное «силовое равновесие» означало, что каждое ведущее европейское государство на протяжении определенного исторического периода будет оставаться равным по своим возможностям любому другому, взятому в отдельности.

Основная цель «силового равновесия» в системе международной безопасности XXI в., как и два столетия назад, должна заключаться в том, чтобы не позволить ни одной из мировых держав резко возвыситься над своими геополитическими конкурентами в военно-стратегическом аспекте. Согласно классическим положениям данного принципа, военно-стратегическому возвышению какой-либо державы, должна быть противопоставлена консолидированная группа, состоящая из всех остальных держав, за-

ведомо более сильная. Именно в этом и должен заключаться стабилизирующий эффект предлагаемой мною системы безопасности. Кроме того, мы также хотели бы еще раз отметить, что предлагаемый регулятор в виде «силового равновесия» должен ограничивать только военно-политическую сферу деятельности государств. Целесообразность данного утверждения, на мой взгляд, вытекает из нестабильной международной обстановки, а также конфликтов, вызванных в последние годы «интервенционистской» политикой США и НАТО. Так, внешняя интервенция, в рамках новой системы безопасности, должна иметь место только случае военной угрозы со стороны одного государства другому государству (мировому сообществу) или грубого нарушения прав человека в этом государстве. При этом интервенция должна рассматриваться только как крайняя форма разрешения конфликтной ситуации и санкционироваться одновременно всеми ведущими мировыми державами, гарантами безопасности.

В современной гуманитарной науке разрабатываются базисные принципы мировой стабильности, и они в состоянии заложить основу будущей международной нормативно-договорной базы. Она должна решать несколько важных задач: регламентировать внешнеполитическую и военную деятельность государств в рамках новой системы стратегической стабильности; устанавливать конкретные санкции за нарушение установленного регламента; а также оговаривать состав уполномоченных государств или институтов правомочных осуществить данные санкции. Следующим важным направлением построения новой системы стратегической стабильности является выбор формы сотрудничества между перечисленными выше государствами. Здесь заслуживают внимания следующие альтернативные варианты развития событий.

Нормальное функционирование новой системы стратегической стабильности тесно связано с решением другого дискуссионного вопроса мировой политики: наличия в современном мире военно-политических альянсов и блоков, в частности НАТО. На наш взгляд, подобные организации уже морально устарели, их существование не соответствует принципам стратегической безопасности XXI в., а также подрывает режим стратегической стабильности. Впоследствии следует юридически закрепить норму в международном праве, которая бы категорически запрещала формирование каких-либо военно-политических альянсов или коалиций в будущем. Конечно, добиться этого дело непростое, для этого требуется добиться высокого уровня доверия и предсказуемости между ведущими государствами в военно-стратегической деятельности, в том числе путем установления постоянного диалога в военной области.

Рассматриваемый в статье вариант построения новой системы глобальной стратегической стабильности можно охарактеризовать как систему «регулируемой многополярности», которая предполагает: наличие нескольких центров силы на планете, способных полностью обеспечивать безопасность и стабильность в мире через ограничение конкуренции между собой в военно-политической сфере. Кроме того, в условиях глобализации устойчивость международных отношений и, как следствие, обеспечение международной безопасности в течении длительного отрезка времени, будет зависеть не только от конфигурации системы стратегической стабильности, но и от способности такой системы к адаптации под условия меняющегося мира. Способность системы адаптироваться под происходящие изменения зависит от формы такой системы, в теории выделяют статическую и динамическую формы стабильности.

Формирование системы мировой стабильности предполагает переход от статической модели международных отношений, характерной для конфронтационной модели стратегической стабильности времен холодной войны к динамической. В первом случае предполагалась строгая иерархичность, постоянство и неизменность международной системы, которая не предполагала подвижность и определенные колебания. В то же время создание динамической модели стабильности обусловлено развитием многосторонних отношений государств, когда тенденция к взаимозависимости складывается как общемировое явление. Можно отметить, определенное различие между статической и динамической стабильностью состоит в самом факте отношения к сущности межгосударственных противоречий, поскольку в статической модели все определяет принцип изоляции потенциальных конфликтов, а в динамической – подобную роль играет логика умножения совпадающих явлений.

Динамический тип стабильности позволяет сохранить целостность системы и устойчивость основных принципов данной системы, несмотря на возможные геополитические изменения в мире. Так, нельзя исключать, под воздействием глобализации и региональной интеграции формирования новых акторов на международной арене (например, Североамериканский Союз или наднациональное государство в рамках СНГ). При таком развитии событий, система стратегической стабильности должна обладать способностью модернизироваться и адаптироваться к подобного рода изменениям в неких пределах, а именно военно-стратегический баланс сил системы должен оставаться неизменным. Именно поэтому военный потенциал любого нового актора должен оставаться сопоставимым с остальными

ведущими державами, согласно описанному выше принципу «силового равновесия». Можно утверждать, что в современном изменяющемся мире выработка эффективной системы мировой стабильности в области безопасности большое значение имеет партнерство ведущих мировых держав. Гарантии обеспечения надежности системы стратегической стабильности в течение длительного временного отрезка во многом обусловлены осознанием всеми ведущими странами неприемлемости конфликта между ними, что создавало условия для консервации конфликтных противоречий на базе военно-политического соперничества.

Всеобщие и универсальные аспекты единства мира существенным образом взаимосвязаны с локальными и региональными; различные картины мира и соответствующие представления непрерывно взаимодействуют друг с другом, пытаясь выразить реальное единство мира, которое неизбежно сложнее любых теоретических философских моделей. История человечества поэтому должна рассматриваться не как последовательность отдельных военно-политических и социально-экономических событий, но прежде всего и главным образом как живой полиаспектный процесс динамического изменения всей многомерной культуры в единстве взаимодополняющих друг друга сфер, областей и доминионов, а также синхронного и диахронного ракурсов, в целостности горизонтального и вертикального срезов и линий регионального и глобального охвата всего социокультурного комплекса. Можно согласиться с важным утверждением видного ученого Л. Г. Ивашова, что в XXI в. важнейшей сферой геополитического противоборства становится культурно-цивилизационная среда и духовная сфера, поэтому уничтожение мировых цивилизаций или изменение их сущности является одной из главных задач финансовых элит Запада [16].

Появление глобальной истории было вызвано «глобализацией» исторического знания, необходимостью создания концепций планетарного масштаба, охватывающих историю человечества в целом. Многие актуальные события современного мира же не могли быть объяснены только в контексте национальных историй и истории межгосударственных отношений. Их истоки лежат в пространстве глобальных социально-исторических процессов [17]. Постепенно возвращается приоритет геополитических интересов, которые, к сожалению, могут проявляться и в виде радикально-националистических движений, политизированного исламского фундаментализма, международного терроризма, этнополитического сепаратизма [18].

Особенности формирования многополярной модели мира, выступающей в качестве новой информационной цивилизации максимально проявляются в виде процессов интеграции различных областей человеческой деятельности, которые обуславливают большие изменения в схеме взаимодействия человека и общества. Дело в том, меняется не только сама социальная система, происходят серьезные трансформации, касающиеся соотношения зависимости личности и общества в данной социальной системе. «Иногда это влечет за собой иллюзию свободу личности, в то время как ее действия все больше и больше регламентируются обществом, путем предоставления симуляции выбора модели собственного поведения» [19, с. 69].

Полноценное исследование особенностей формирования стабильного, устойчивого мироустройства предполагает появление нового мышления и соответствующего ему мировоззрения у людей, которые в большинстве своем просто не поспевают за динамикой происходящих вокруг изменений. Вот почему так важно вырабатывать у студентов переход от дискретного понимания общества, которое описывается в самодостаточных категориях «культура», «цивилизация», «глобализация», к комплексному, системному видению его. Только при таком подходе динамичный социальный организм будет восприниматься через призму культурно-цивилизационного развития, включая глобальный уровень [20].

Выводы. Проблема стабильности принципиально не может быть сведена к одной-единственной окончательной формулировке, но может быть намечена неизбежной парадоксальностью между невозможностью охватить экстенсивно и интенсивно бесконечную неисчерпаемость мира, с одной стороны, и неустранимостью как постоянно проявляющейся взаимосвязи всего со всем, так и неявной предпосылки исходной целостности схватываемого любой концепцией – с другой. «Жизнеспособность» будущей системы стратегической стабильности в условиях глобализации, на наш взгляд, во многом определяется наличием динамической составляющей/компоненты в рамках данной системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барбашина Э. В. Необходимость критического мышления в условиях трансформации образования // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8, №2. С. 1777–1787.
2. Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. 452 с.
3. Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. М.: Ладомир. 2004. 293 с.

4. **Форрестер Д.** Мировая динамика. М.: АСТ; 2003. 379 с.
5. **Тоффлер Э.** Третья волна. М.: АСТ, 2002. 557 с.
6. **Богданов А. А.** Вопросы социализма. М., 1990. 480 с.
7. **Сергейцев Т. К.** социологии русского постсоциализма // Однако. 2014. № 173. С. 24–51.
8. **Максимов С. В., Яценко М. П.** Особенности исследования ментальных аспектов военного прогресса в глобальном мире // Профессиональное образование в современном мире. 2018. Т. 8, №3. С. 1990–1999.
9. **Терентьев А.** Украинский кризис и поворот на Восток // Однако. 2014. № 174. С. 58–85.
10. **Бадов В.** Майдан, Бакунин и тетюшка Нуланд // Однако. 2014. № 174. С. 102–113.
11. **Холина Л. И., Серёдкин Н. А.** Профессиональная подготовка курсантов военного вуза к управленческой деятельности в процессе решения тактических задач // Профессиональное образование в современном мире. 2016. Т. 6, №2. С. 268–274.
12. **Голубовский Д.** Геостратегический джокер // Однако. 2014. № 174. С. 150–165.
13. **Назарова М. А., Черных С. И.** Трансформация идентичности в обществе // Профессиональное образование в современном мире. 2017. Т. 7, №3. С. 1163–1168.
14. **Гиренок Ф. И.** Метафизика пата. М., 1995. 307 с.
15. **Кузнецов В. Ю.** Мир единства. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2010. 207 с.
16. **Ивашов Л. Г.** Глобальный мир стремится к биполярности // Геополитика и безопасность. 2012. №1 (17). С. 28–33.
17. **Ильин И. В., Урсул А. Д.** Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: монография / под общ. ред. акад. М. Ч. Залиханова, проф. МНЭПУ С. А. Степанова. М.: Изд-во МНЭПУ, 2019. С. 15–34.
18. **Гринберг Р. С.** Актуальные проблемы социотехнологического и экономического развития в современной России // Россия в XXI веке: глобальные вызовы, риски и решения. Анализ. Экспертиза. Рекомендации: монография / под общ. ред. акад. М. Ч. Залиханова, проф. МНЭПУ С. А. Степанова. М.: Изд-во МНЭПУ, 2019. С. 75–81.
19. **Сайкин Е. А.** Социальные роли и многомерность личности // Идеи и идеалы. 2010. №3 (5). С. 68–73.
20. **Чумаков А. Н.** Культурно-цивилизационные исследования: их роль и ценность в глобальном мире // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2018. №1. С. 30–44.

REFERENCES

1. **Barbashina E. V.** The need for critical thinking in the conditions of the transformation of education. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2018, vol. 8, no. 2, pp. 1777–1787. (In Russ)
2. **Heidegger M.** *Being and time*. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997, 452 p. (In Russ)
3. **Etzioni A.** *From the empire to the community: a new approach to international relations*. Moscow, Ladomir Publ., 2004, 293 p. (In Russ)
4. **Forrester D.** World dynamics. Moscow, AST Publ., 2003, 379 p. (In Russ)
5. **Toffler E.** The Third Wave. Moscow, AST Publ., 2002, 557 p. (In Russ)
6. **Bogdanov A. A.** *Questions of socialism*. Moscow, Politizdat Publ., 1990, 480 p. (In Russ)
7. **Sergeyev T.** To the sociology of Russian postsocialism. *Odnako = However*, 2014, no. 173, pp. 24–51. (In Russ)
8. **Maksimov S. V., Yatsenko M. P.** Features of the study of mental aspects of military progress in the global world. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2018, vol. 8, no. 3, pp. 1990–1999. (In Russ)
9. **Terentyev A.** Ukrainian crisis and a turn to the East. *Odnako = However*, 2014, no. 174, pp. 58–85. (In Russ)
10. **Badov V.** Maidan, Bakunin and Aunt Nuland. *Odnako = However*, 2014, no. 174, pp. 102–113. (In Russ)
11. **Kholina L. I., Seredkin N. A.** Vocational training of cadets of a military university for management in the process of solving tactical problems. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2016, vol. 6, no. 2, pp. 268–274. (In Russ)
12. **Golubovsky D.** Geostrategic joker. *Odnako = However*, 2014, no. 174, pp. 150–165. (In Russ)
13. **Nazarova M. A., Chernykh S. I.** Transformation of identity in society. *Professionalnoe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*, 2017, vol. 7, no. 3, pp. 1163–1168. (In Russ)
14. **Girenok F. I.** *Metaphysics of Pat*. Moscow, Labirint Publ., 1995, 307 p. (In Russ)

15. **Kuznetsov V. Yu.** *The world of unity*. Moscow, Academic Project Publ., Alma Mater Publ., 2010, 207 p. (In Russ)
16. **Ivashov L. G.** The global world is striving for bipolarity. *Geopolitika i bezopasnost' = Geopolitics and Security*, 2012, no. 1 (17), pp. 28–33. (In Russ)
17. **Ilyin I. V., Ursul A. D.** Actual problems of global research: *Russia in a globalizing world. Russia in the XXI century: global challenges, risks and solutions. Analysis. Expertise. Recommendations*. Monograph. Ed. M. Ch. Zalikhanov, S. A. Stepanov. Moscow, MNEPU Publ., 2019, pp. 15–34. (In Russ)
18. **Greenberg R. S.** Actual problems of socio-technological and economic development in modern Russia. *Russia in the XXI century: global challenges, risks and solutions. Analysis. Expertise. Recommendations*. Monograph. Ed. M. Ch. Zalikhanov, S. A. Stepanov. Moscow, MNEPU Publ., 2019, pp. 75–81. (In Russ)
19. **Saykin E. A.** Social roles and multidimensionality of an individual. *Idei i idealy = Ideas and ideals*, 2010, no. 3 (5), pp. 68–73. (In Russ)
20. **Chumakov A. N.** Cultural and civilizational research: their role and value in the global world. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27. Globalistika i geopolitika = Moscow State University Bulletin. Series 27. Global studies and geopolitics*, 2018, no. 1, pp. 30–44.

Информация об авторах

Яценко Михаил Петрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры глобалистики и геополитики, Сибирский федеральный университет (Красноярск, 660041, пр. Свободный, 79, e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru)

Песковец Иван Дмитриевич – аспирант, аспирант кафедры глобалистики и геополитики, Сибирский федеральный университет (Красноярск, 660041, пр. Свободный, 79, e-mail: peskovets@mail.ru)

Принята редакцией: 25.06.19.

Information about the authors

Mikhail P. Iatsenko – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Global Studies and Geopolitics at Siberian Federal University (79 Svobodny Av., 660041 Krasnoyarsk, e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru)

Ivan D. Peskovets – post-graduate student at the Department of Global issues and Geopolitics of Siberian Federal University. (79 Svobodny Av., 660041 Krasnoyarsk, e-mail: peskovets@mail.ru)

Received: June 25, 2019.